

НАЗВАНИЯ ДЕРЕВЕНЬ И СЕЛ В НОВГОРОДСКОМ ОККУПАЦИОННОМ АРХИВЕ

Среди других материалов в Новгородском оккупационном архиве (далее — НОА), хранящемся в Государственном архиве Швеции г. Стокгольма, находится примерно 20 дозорных книг, в которых встречаются списки сел и деревень. С помощью сравнения с другими историческими документами того же ареала можно поставить данные НОА в контекст общего лингвистического и исторического развития Новгородской земли в период с XVI по XX вв.

Дозорные книги организованы по погостам, и для каждого погоста дается его принадлежность к соответствующей пятине. Шведская оккупация 1611—1617 гг. касалась прежде всего Водской и Шелонской пятин, и поэтому большая доля материалов относится именно к погостам на их территориях. Однако разные регионы, разные погосты засвидетельствованы весьма неравномерно — по всей видимости, это прежде всего объясняется непосредственностью самой регистрационной работы, но есть также много неизвестного в истории сохранения документов. Иллюстрацией ситуации может служить ряд сравнений чисел зарегистрированных поселений в погостах в НОА с материалами других источников, включая шведские писцовые книги XVII в. из тех погостов, которые после Столбовского мира 1617 г. вошли в новую шведскую провинцию Ингерманландию:

1. Чертицкий погост в Шелонской пятине, на южном берегу озера Ильмень к северу от г. Старая Русса. В материалах Чертицкого погоста до сих пор найдено в НОА 33 разных названия поселений. Из более ранних материалов почти ничего не осталось. Во фрагментарных материалах XVI в., которые опубликованы А. М. Андрияшевым, засвидетельствовано только пять разных названий поселений, кроме самого погоста-места, в Чертицком погосте.¹

2. Никольский Бутковский погост в Водской пятине, на юге сегодняшней Ленинградской области. После 1617 г. Бутковский погост остался в России. Погост хорошо засвидетельствован уже в самых ранних писцовых книгах Новгородской земли начала XVI в. (1500 г. — примерно 160 разных названий, 1582 г. — примерно 170 названий). В материалах НОА, однако, лишь примерно 50 названий, и в более позднем русском источнике (1646 г.) примерно 40 названий.²

3. Богородицкий Дягилинский погост в Водской пятине, к западу от г. Гатчина. В 1617 г. Дягилинский погост был включен в шведскую Ингерманландию. Погост упоминается уже в источниках начала XVI в. (15 назва-

¹ См.: Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг. I. Списки селений. М., 1914. С. 273—274; д. Бабки, Вороново, Выглядово, Данилково, Корпово.

² Ср.: Селин А. А. Историческая география Новгородской земли XVI—XVIII вв. Южные уезды Водской пятин. СПб., 1998. Прил. 1. Табл. 18.

ний поселений). В материалах НОА найдено 12 разных названий, но уже в шведских писцовых книгах 1618—1623 гг. можно найти 27 названий, что, скорее всего, отражает рост населения погоста после приезда переселенцев из восточной Финляндии.

С этимологической точки зрения интересующие нас названия поселений можно разделить на две большие группы: топонимы славянского (русского) происхождения и топонимы прибалтийско-финского происхождения.

Среди топонимов русского происхождения самые употребительные следующие:

1. Топонимы, произведенные через суффиксы -ов- и -ин-: Иваново (<Иван), Фадеево (<Фад(д)ей), Никитино (<Никита) и т. д. Топонимы на -ов- и -ин-, как правило, производные от личных имен, но засвидетельствованы и другие типы деривации;

2. «Описательные» топонимы. Здесь засвидетельствованы формально разные типы, например, морфологически простые типа Горка, Остров и т. д. и морфологически производные типа Поддубье, Заозерье и т. д.;

3. Топонимы, образованные с помощью суффикса -иц-, где производное слово, как правило, выступает во множественном числе: Парицы, Подгостицы, Скворицы.

Особенно в регионах будущей шведской Ингерманландии встречается кроме топонимов русского происхождения также немалое число прибалтийско-финских топонимов. Многие из этих топонимов отмечены только после 1617 г., уже после периода НОА, но определенные топонимы прибалтийско-финского происхождения засвидетельствованы уже в новгородских писцовых книгах конца XV—начала XVI в., что подтверждает другие известия о немалом прибалтийско-финском населении — воедь и ижора, проживавшем в этой части Водской пятины в то время.

Среди типов топонимов прибалтийско-финского происхождения, зарегистрированных в материалах НОА или в шведских писцовых книгах 1618—1623 гг., находятся следующие:

1. Топонимы производные с суффиксом -ла-: Сатула, Витила, Пикала и т. д.;

2. «Описательные» топонимы, формально часто являющиеся сложными словами, второй частью которых нередко выступает финское слово *kylä* 'деревня, село', например, Кескекюля (ср. финское *Keskikylä* 'средняя деревня') и др.

Когда у одного и того же поселения засвидетельствованы (как правило, в разных источниках) и финское, и русское названия, в большинстве случаев название языка-источника заимствуется в другой язык, где оно получает фонетически адаптированный облик. Процессы адаптации более или менее регулярны: например, финское название *Ahmosi* выступает в русских источниках в форме Ахмузи, и, наоборот, русское название Петрово по-фински отмечено в форме *Petgova*. Финские названия с элементом *-kylä* передаются с элементом -кюля: финской оригинальной форме *Yläkylä* 'верхняя деревня' соответствует русская форма Юлякюля, финской форме *Peräkylä* 'задняя деревня' соответствует русское Перекюля и т. д. Нередко

фонетическая адаптация сопровождается и морфологической адаптацией: например, финские названия с суффиксом *-la/-lä-* могут соответствовать русским названиям с окончанием *-лово/-лево*: финское *Rekkala* выступает в русской форме Пекколово. Подобный процесс отмечается и у других типов: например, финское *Riepposi* соответствует русскому Репузева.

Довольно редко встречаем «переводные» топонимы, т. е. топонимы с одинаковым лексическим значением в двух языках при отличающемся звуковым облике: финское *Uusikulä* соответствует русскому Новая деревня (при другой *Uusikulä*, где соответствующее русское название — Ускюля); финское *Sutela* (от финского *susi* ‘волк’) соответствует русскому названию Волково, финское *Kotko* (ср. финское *kotka* ‘орел’) и русское Орел, финское *Tammikontu* (ср. финское *tammi* ‘дуб’) и русское Дубки и т. д.

Топонимическое богатство материалов Новгородского оккупационного архива предоставляет нам возможность сравнения географического и хронологического распределения разных топонимических типов. В качестве примера посмотрим подробнее на некоторые погосты в разных регионах: Офремовский и Чертицкий погосты к югу от озера Ильмень, оба в Шелонской пятине, и Бутковский, Дягилинский и Дудоровский погосты в Водской пятине. Зарегистрированное число топонимов в этих погостах в материалах НОА следующее: Офремовский — 253, Чертицкий — 29, Бутковский — 49, Дягилинский — 12 и Дудоровский — 74. Конечно, материал Чертицкого и особенно Дягилинского погоста слишком невелик, чтобы можно было сделать какие-нибудь достаточно обоснованные выводы, но другие погосты дают более представительный материал.

1. Начнем с топонимов на *-ово/-ево* и *-ино*: как на юге (в Офремовском и Чертицком погостах), так и на севере (в Дудоровском погосте) эти типы представлены в заметно большем количестве примеров, чем в более центральных Бутковском и Дягилинском погостах: Офремовский — *-ово/-ево* 111 (43.9 %), *-ино* 52 (20.6 %); Чертицкий — *-ово/-ево* 10 (34.5 %), *-ино* 1 (3.4 %); Дудоровский — *-ово/-ево* 17 (23.0 %), *-ино* 18 (24.3 %); Бутковский — *-ово/-ево* 3 (6.1 %), *-ино* 7 (14.3 %); Дягилинский — *-ово/-ево* 1 (8.3 %), *-ино* 2 (16.7 %).

2. Для топонимов типа Поддубье, Подъелье, Заозерье и т. п. картина совсем другая: здесь самая высокая цифра отмечается в Бутковском погосте (7 примеров = 14.3 %), тогда как в Офремовском погосте 7 примеров (2.8 %), а в Дягилинском, Дудоровском и Чертицком погостах нет ни одного примера этого типа.

3. Подобная картина отмечается и для типа на *-ицы*: Бутковский — 4 примера (8.2 %), Дягилинский — 4 (33.3 %), Офремовский — 1 пример (0.4 %), Чертицкий 1 — (3.5 %), а в Дудоровском не отмечено ни одного примера этого топонимического типа.

4. Наконец, прибалтийско-финский тип на *-ла* отмечен только в Дудоровском погосте, где зарегистрировано 10 примеров (13.5 % всех топонимов этого погоста).

На основании распределения топонимических типов можно сделать предварительное разделение изучаемого ареала на три «топонимических региона».

Первый регион, на юге, включает в себя Офремовский и Чертицкий погосты и характеризуется наличием большого числа примеров топонимов на -ово/-ево и -ино.

Второй регион, более центральный, состоит из Бутковского и Дягилинского погостов и характеризуется относительно многими примерами типа Поддубье и т. п., как и наличием определенного числа топонимов на -ицы.

Третий регион, представленный самым северным из изучаемых погостов — Дудоровским, показывает заметный прибалтийско-финский пласт топонимов, в том числе названия на -ла.

Таким образом, изучение топонимического материала НОА открывает интересные возможности для дальнейшего исследования истории заселения северо-западной России и ее меняющейся этнической картины. Кроме того, материалы архива являются исходной точкой для изучения существенных этнических и лингвистических перемен в шведской Ингерманландии XVII в., которые создали основу для трехсотлетнего «топонимического билингвизма».